

УДК 17.022.1

DOI: 10.18101/1994-0866-2019-3-28-37

ПОНИМАНИЕ СЧАСТЬЯ В КОНТЕКСТЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

© Туев Василий Афанасьевич

доктор философских наук, почетный профессор,
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: tuev-va@yandex.ru

© Сулова Анастасия Александровна

ведущий специалист,
Центр лабораторного анализа и технических измерений по Сибирскому федеральному округу
Россия, 664007, г. Иркутск, ул. Советская, 55
E-mail: fromice-@mail.ru

Цель настоящего исследования состоит в философском осмыслении состояния счастья в контексте смысла жизни человека. В исследовании проанализирована современная ситуация «дефицита счастья», которая связана с феноменом «экзистенциального вакуума», сложившимся на фоне потребительских ориентаций общества рыночного характера. В таком обществе счастье предельно упрощается, сводится к удовлетворению первичных потребностей, а человеческая жизнь обесмысливается. Как следствие, счастье становится поверхностным и примитивным.

В статье выявлены трудности определения феномена счастья, которые связаны с его многозначностью, соотношением с реальностью и субъективностью. Обозначены исторические подходы к пониманию счастья, которые сложились еще в античности (гедонизм, стоицизм, эвдемонизм) и получили свое развитие в дальнейшем. В ходе исторического анализа показано, что в каждую эпоху счастье понималось по-разному, в чем выразилась его зависимость от условий социального бытия. Для достижения счастья масштабного и устойчивого необходимы определенные социальные условия, которые будут стимулировать человека к повышению его культуры и к творчески-созидательной деятельности. Это возможно в таком обществе, в котором производство ориентировано на развитие человека, а потребление служит лишь предпосылкой такого развития. Источником истинного счастья выступают созидательная деятельность человека, труд, любовь к другому человеку, преданность делу, поступок, диктуемый совестью, то есть все, что делает счастье сопутствующим результатом реализации высших человеческих потребностей. Однако счастье связано не только с реализацией духовных потребностей, но и с их возвышением, то есть возникновением духовных потребностей высших уровней.

В исследовании сделан вывод о том, что в интересах обретения счастья человек должен посредством формирования творческого отношения к социальной действительности работать над возвышением своих потребностей. Результаты исследования можно применять в педагогической деятельности, в подготовке специалистов в области философии и других гуманитарных наук.

Ключевые слова: счастье; смысл жизни; общество потребления; труд; любовь; творческое отношение к социальной действительности.

Для цитирования:

Туев В. А., Сулова А. А. Понимание счастья в контексте смысла жизни человека // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. Вып. 3. С. 28–37.

Счастье как предмет осмысления и жизненный императив значимо для каждого человека, поэтому связанные с ним вопросы интересовали философов всех времен. Понимание счастья нашло свое отражение в сказках и сказаниях всех народов мира, в фольклоре, мифологии и художественной литературе. Вполне естественно, что за продолжительное время накопилось множество трактовок этого понятия, которые, как правило, связаны с представлением о лучшем будущем и выявлением того, что дает человеку наибольшее удовлетворение.

В. Татаркевич, занимавшийся теоретическим исследованием этих вопросов, отмечал, что «понятие счастья трудноопределимо по трем причинам: во-первых, оно многозначно; во-вторых, определяется счастье идеальное, и только опосредованно и приблизительно оно соотносится с реальным; и, в-третьих, оно является понятием двойственным, содержащим элемент субъективного наряду с объективным» [1, с. 46].

Действительно, то, что теоретически определяется как счастье, на практике открывает и другие свои грани. Приобретая жизненный опыт, человек нередко убеждается, что счастье, казалось бы, достигнутое, оказывается обманчивым и иллюзорным. Лучшие стремления вполне могут оказаться ошибочными, надежда может закончиться отчаянием, любовь часто сталкивается с изменой, дружба — с предательством, блага материального мира могут быть потеряны, а в случае их избытка обладатель рискует потерять вкус к жизни, быть одаренным невыносимой скукой — спутницей достатка. Жизнь упорно демонстрирует призрачность и хрупкость счастья в любых его проявлениях, и это становится понятным, если учесть, в какой высокой степени оно зависит от неподвластных нам обстоятельств. Не случайно же древние греки верили, что боги завидуют человеческому счастью и принимают меры, чтобы покарать счастливец, поскольку по законам мировой гармонии никто не должен захватывать слишком много для себя.

Неудивительно, что помимо распространенных представлений о ценности счастья существуют пессимистические концепции его восприятия. Так, А. Шопенгауэр ставит под сомнение саму возможность счастья, которое понимается им как «отрицательное» [2, с. 140], т. е. как отсутствие страдания. С. Л. Франк в философском труде «Смысл жизни» отмечает тесную связь счастья и страдания, проблемные соотношения счастья и справедливости. Он поднимает вопрос достижения обществом идеального состояния, когда люди в полной мере смогут наслаждаться счастьем. При этом, отмечает автор, обострится проблема справедливости — ведь одни поколения страдали в роли «приготовительного класса» [3, с. 35], а другие будут радостно жить в спасенном мире.

Обращаясь к исторически сложившимся концепциям счастья, отметим, что уже в античной философии сформировались основные подходы к его пониманию, получившие свое развитие в последующие исторические эпохи, — гедонизм, стоицизм и эвдемонизм.

Гедонистическая концепция, сформулированная Аристиппом, позиционировала счастье как достижение максимального удовольствия, сопряженное с избеганием боли. Она стала объектом критики всех последующих теорий счастья,

которые утверждали, что удовольствие — это ловушка, ведь человек склонен стать его рабом.

Стоики (Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий) полагали, что правильные желания и воздержания, поступки и дела — гарантия человеческого счастья, но, для того чтобы этого достичь, надо всесторонне развивать свою личность в противовес внешним обстоятельствам. Это было шагом вперед в сравнении с гедонизмом: здесь счастье связывается уже не с телесными удовольствиями, а с личностным развитием человека.

Эвдемонизм, представителями которого были Платон и Аристотель, рассматривал счастье как наивысшее благо для человека. Так, Аристотель в своей «Никомаховой этике» утверждал, что счастье «мы всегда избираем ради него самого и никогда ради чего-то другого» [4, с. 62]. В его учении счастье предстает как совершенная деятельность, обладающая самостоятельной ценностью. Этот взгляд получит дальнейшее развитие значительно позднее, уже в новоевропейской «деятельностной» философии.

Во времена Средневековья жизненные ориентации были направлены на воплощение христианских идеалов и сословных ценностей. Отсюда и восприятие счастья как жизненного феномена, связанного с верой, терпением, состраданием и любовью. Так, Августин полагал, что счастье приносит внутреннее преображение, вызванное принятием истин христианства. Счастье основывается на отказе от эгоизма, любви к богу и другим людям. При этом земное счастье как бы лишается собственной ценности, поскольку оно всегда сравнивается с будущим счастьем, которое обещает рай.

Решающий вклад в формирование западного представления о счастье внесли философы Нового времени. Особое значение имели работы Дж. Локка, заложившего основы либеральной традиции в понимании человека и основных целей его существования. Он полагал, что счастье индивидуально, никто не вправе навязывать человеку свое понимание счастья. Для Б. Спинозы счастье — свобода от страстей, от собственного эго, которая дает возможность раскрыть свое духовное начало.

И. Кант, пытаясь преодолеть натуралистический подход к человеку, подчеркивал двойственность его природы: как часть природы человек подчинен ее законам, но как существо разумное он свободен. Природное начало в человеке обуславливает его эгоизм, стремление к благополучию и счастью, разумное начало заставляет следовать долгу и тем самым ограничивает это стремление. Более «приземленным» оказалось понимание счастья в философии Ф. Ницше, который в значительной мере «реабилитировал» природное начало в человеке и видел цель его устремлений в самоутверждении и отстаивании своих эгоистических интересов.

В воззрениях этих мыслителей счастье неизменно «выводится» из человеческой «природы», которая, впрочем, не ограничивается телесностью и включает в себя духовное начало. Но влияние социальных факторов на удовлетворенность жизнью здесь если и не исключается полностью, то все-таки оказывается на периферии внимания.

Эта ограниченность в определенной степени снимается (по крайней мере, «проблематизируется») в понимании счастья у французских материалистов эпохи Просвещения Ж. Ламетри, П. Гольбаха, К. Гельвеция. Они так или иначе продолжали гедонистическую традицию, рассматривая человека как телесное суще-

ство, следующее велениям природы, но вместе с тем высказали мысль о том, что счастье предполагает совмещение блага отдельного индивида и блага всего общества. В этом направлении позднее шел и Л. Фейербах, который, рассуждая в аристотелевском духе, понимал стремление индивида к счастью как основополагающий принцип жизни. При этом он делал акцент на моральном и разумном стремлении к счастью, преодолевающим эгоизм личности и трансформирующимся в любовь к себе подобным — альтруизм. Понимание человеком своей зависимости от других людей приводит его к стремлению способствовать осуществлению их счастья.

В XX в. такие мыслители, как Э. Фромм и В. Франкл, полагая, что счастье человека достигается в реализации его деятельностного начала и утверждении своей индивидуальности, по сути дела, продолжили эту линию размышлений, хотя и не выразили зависимость человеческого счастья от социальных условий жизни с достаточной определенностью, как это было в русской и восточной философии. Так, на Востоке человек рассматривался как часть целого, а его стремление противопоставить себя целому, отстаивать свои частные интересы, расценивалось как «помраченное» состояние сознания.

В советский период счастье рассматривалось с позиции «трудоцентристской» идеологии: его источником выступал труд как общественно полезная деятельность. Объединенные общей идеей построения коммунизма, люди видели образ счастливого будущего и, что важно, свое место в нем. В таком понимании стремление к счастью занимало центральное место в системе мотивов деятельности людей, что способствовало развитию сущностных сил человека.

Таким образом, в каждую историческую эпоху и в различных цивилизациях счастье понималось по-разному, в чем, кстати, и выразилась его зависимость от условий социального бытия. Несомненно лишь то, что философская мысль шла по пути уточнения и развития взглядов на этот феномен человеческой жизни. Не составляет исключения и наше время: новые общественные реалии заставляют по-новому взглянуть и на то, в чем заключается гуманистическое понимание счастья и каковы трудности на пути его достижения.

Сегодня, когда достижение счастья стало даже более проблематичным, нежели в прошлом, назрела необходимость соотносить его понимание с таким экзистенциальным феноменом, как смысл жизни. Тем более что на современном уровне социально-философских исследований смысла жизни и счастья человека сложились все предпосылки такого соотнесения.

Если смысл жизни связывается с удовлетворением природных потребностей индивида или примыкающих к ним престижных потребностей, или, наконец, с деятельностью, подчиненной удовлетворению тех и других потребностей, то жизнь индивида оказывается лишенной «высокого» смысла, ибо смысл любого явления предполагает «вписанность» этого явления в более общий контекст. В соответствии с этим «точкой отсчета» для осмысливания жизни служит мера ее социальной значимости. Поэтому человек, жизнь которого лишена общественного значения, рано или поздно начинает ощущать бессмысленность, «ничтожность» своего существования. Итогом бывает разочарование в жизни, нередко завершающееся суицидальным исходом.

Когда-то Д.-С. Милль говорил, что Сократ все время был недоволен собой, а вот свинья, наевшись, укладывается в лужу и, по-видимому, «счастлива» [5, с. 592]. Между тем сказанное выше позволяет утверждать, что счастье человека в

определяющей степени зависит от того, как он понимает смысл жизни и насколько его жизнь этим смыслом наполнена. В свою очередь, смысл жизни определяется тем, насколько развита система потребностей индивида. Если она включает в себя высшие духовные потребности, индивид становится личностью, — он направляет свою активность на созидание, которое ориентировано на удовлетворение потребностей общества. Тогда человек делает общее дело, творит общее благо, и в меру общественной значимости этого творчества он ощущает себя счастливым. Вспомним в связи с этим экспрессивное, восторженно-оценочное высказывание А. С. Пушкина:

*Не всякого полюбит счастье,
 Не все родились для венцов.
 Блажен, кто знает сладострастье
 Высоких мыслей и стихов!* [6, с. 191]

Разумеется, поэт воспроизводит представления своего времени о том, что мера счастья задается фактом рождения: тогда считалось, что высота духа применительно к человеку — это «благородство», т. е. принадлежность к хорошему роду. Мы же сегодня понимаем, что «планка» здесь устанавливается самим человеком, его личностной активностью: человек сам «кузнец своего счастья». При этом направленность его активности на реализацию творческого потенциала — способностей и потребностей — социально обусловлена. И счастье действительно «полюбит» далеко не каждого, если в обществе затруднена самореализация личности, если направленность активности на общее дело возможна лишь для немногих, — остальные живут заботами о выживании или телесном комфорте.

Особенности современного общества существенно сказываются на такой сфере отношений людей, продуцирующей феномен «личного счастья», как половая любовь, брак и семья. Но именно семейные отношения сегодня впервые в истории человечества наиболее зримо погружаются в омут тотального кризиса.

Начнем с феномена половой любви как основы брачно-семейных отношений. Как известно, половая любовь питается двумя источниками — природным и социально-психологическим. Первый проявляется в физическом влечении и служит продолжению рода, второй — в духовном единении. Это делает ее чувством интегральным, и лишь в таком качестве она становится силой, творящей взлет всех человеческих чувств — физических, эмоционально-психологических, духовных, силой, поднимающей жизненный процесс над рутинной повседневности и создающей радостное, поистине праздничное ощущение жизни. Не случайно В. Г. Белинский называл любовь поэзией и солнцем жизни. Здесь физическое влечение и духовное влечение оказываются нераздельными, что выражено в знаменитом афоризме: «Любовь, желающая быть только духовной, становится тенью; если же она лишена духовного начала, то она пошлость» [7; 206]. Проявления любви в ее истинном смысле обогащают, наполняют жизнь, делают ее многогранной, и потому они очень значимы для человека. В любви происходит насыщение всех человеческих потребностей — от фундаментальных биогенных до высших — эстетических, моральных, интеллектуальных. В этом ее величайшая ценность и для достижения счастья, и для обретения смысла жизни.

Но в современном обществе отношения, основанные на любви, существенно потеснены другими проявлениями жизнедеятельности людей. Еще в прошлом

веке пронизательный Э. Фромм писал о формировании особого антропологического типа — человека с «рыночным» характером. Поскольку сегодня этот тип человека становится доминирующим, то утрачивает свое интегральное «полнокровие» и феномен половой любви: возвышенное чувство как одно из важнейших условий счастья уходит из жизни, оно все чаще сводится преимущественно (а нередко — исключительно) к сексуальному влечению. Этот факт находит выражение даже в языке, нередко можно услышать от девушки: у нас с ним «отношения» — этот эвфемизм обозначает не что иное, как сексуальную связь, не «обремененную» подлинно человеческим чувством любви. Однако физическое влечение вскоре отходит на второй план, а со временем и вовсе угасает. Заменить же его оказывается нечем: рыночное общество обедняет человека в духовном отношении, поскольку на передний план в его ценностной ориентации выдвигаются «чистоган», материальный успех, телесный комфорт, деликатесы на столе, модные вещи и прочие «прелести» потребительства.

Понятно, что при этом происходит вытеснение (по крайней мере, оттеснение на задний план) таких духовных ценностей, как верность долгу, честность, благородство, мужество, ум, эрудиция, творческие способности, талант, романтика труда, преданность идеалам. Незрелость эмоционально-чувственной сферы современного молодого человека, пересыхание и без того слабого ручейка его духовных чувств делает окружающий мир сплошной серостью, лишенной ярких красок, жизнь «тускнеет», утрачивая свое очарование. При отсутствии стимулов к личностному саморазвитию довольно скоро исчерпывается накопленный в юности духовный потенциал супругов, а вместе с этим гаснет и фаворский свет любви. По утверждению Э. Фромма, «попытки любить обречены на провал, если человек не постарается самым активным образом развивать собственную цельную личность, чтобы обрести созидательную ориентацию; удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить ближнего, без искреннего смирения, без смелости, веры и дисциплины» [8, с. 3].

Не будем утверждать, что это всегда главная причина подобных утрат, но для обесмысливания жизни она во многих случаях имеет решающее значение. В результате вся жизнь в значительной мере обедняется, а в конечном счете — обесмысливается. Утрата смысла жизни в раннем возрасте приобретает характер массового явления. Стойкое разочарование в жизни становится постоянным фоном всех жизненных проявлений и нередко ведет к суицидальным решениям.

И как результат в современном обществе на месте дефицита материальных благ возникла поистине парадоксальная ситуация «дефицита счастья», связанная с феноменом «экзистенциального вакуума» [9, с. 11], который сводится к непониманию или потере жизненного смысла. Этот феномен порожден общественными условиями, сложившимися на Западе на протяжении последнего столетия, а в России — в последние десятилетия.

Современное общество ориентирует человека на потребление, подчиненное, главным образом, удовлетворению материальных и престижно-статусных потребностей. В результате происходит примитивизация социальных приоритетов, стандартизация потребностей, желаний, вкусов и других жизненных проявлений. Понятно, что такие социальные условия неблагоприятны для реализации творческого потенциала личности, для решения смысложизненных вопросов и в конечном итоге для достижения счастья. Общество потребления предельно упрощает и

понимание счастья, и в реальности делает его поверхностным, ситуативным, неустойчивым, легко переходящим в тотальную неудовлетворенность жизнью.

Все эти фальшивые проявления счастья требуют умения их преодолевать, которое основывается на самоорганизации, самодисциплине, самоактуализации. Особенно важно, что изменение таких установок непременно требует участия государства, и благоприятная ситуация возникает лишь в том случае, когда государство проявляет заинтересованность в разнообразии способов бытия людей, в создании условий для творческой самореализации личности.

Так, в антиутопии Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» описана модель будущего, где счастье видится как избавление от негативных эмоций, упрощение жизни и в избытке наполнение ее удовольствиями. Чтобы сделать людей «счастливыми», сжигаются книги, которые воспринимаются как «заряженное ружье в доме соседа» [10, с. 105]. Человека склоняют в сторону развлечений, удовольствий, к бездумному проведению досуга, а в конечном счете к примитивизации жизненной активности. Философия, история, литература — все эти и другие сферы, соприкосновение с которыми совершенствует личность, оказываются отчужденными от человека, они как бы «вычеркиваются» из его жизни.

Сегодня и мы, похоже, встали как раз на этот путь «развития». По данным социологических опросов, в сегодняшней России более или менее регулярно читают книги около трети взрослого населения, свыше трети не читают вовсе, а примерно столько же — читают время от времени. Но, к сожалению, проблема чтения книг этим не ограничивается. Ведь значимым является еще и то, какие именно книги читает человек и то, как он воспринимает прочитанное. Еще Э. Фромм отмечал, что «чтение может быть продуктивным и вызывать внутреннее сопереживание, если оно происходит в модусе бытия» [11, с. 59]. Это означает, что прочитанное глубоко анализируется человеком, сопоставляется с проблемами эпохи, в которой жил автор, наводит на собственные мысли по поднятым в книге или смежным вопросам, что по существу является актом сотворчества автора и читателя. В противном случае человек оказывается ограничен в приобретении новых знаний, в творческих проявлениях жизни, что не может способствовать достижению счастья, ибо переживаемое человеком бытие становится бессодержательным, лишенным творческих проявлений, — человек скучает от однообразия повседневности и уходит в мир развлечений.

Испытать счастье другого порядка — более глубокое и устойчивое — возможно при условии реализации творческого потенциала, в ходе удовлетворения духовных потребностей. Источником такого счастья выступает не потребление, а созидательная деятельность человека, его труд. По словам И. И. Чангли, «труд, будучи специфически человеческим способом бытия, в той или иной мере удовлетворяет все высшие человеческие потребности (в творчестве, познании, общении, самосовершенствовании и т. п.), рождает самые благородные движения человеческой души и поэтому выступает источником человеческого счастья» [12, с. 527]. В унисон с подобным представлением Э. Фромм утверждал, что «созидательность, плодотворность — это источник силы, свободы и счастья» [13, с. 145].

Очевидно, что источником счастья в высшем его понимании может быть вообще все то, что делает счастье не самоцелью, а сопутствующим результатом реализации высших человеческих потребностей. Так, М. М. Пришвин говорил: «Нельзя целью поставить себе счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и дости-

гает ее после большого труда» [14, с. 158]. Об этом говорил и В. Франкл: «За успехом, как и за счастьем, нельзя гнаться; он должен получиться — и получается — как неожиданный побочный эффект личной преданности большому делу, или как побочный результат любви и преданности другому человеку» [9, с. 4].

Вряд ли можно сомневаться в том, что с обесмысливанием жизни и «дефицитом» счастья тесно связано уже упоминавшееся выше распространение самоубийств, особенно в раннем возрасте. Человек идет на самоубийство, когда он чувствует себя глубоко несчастным, причем такое ощущение становится устойчивым и длительным. Если человек не чувствует своей «включенности» в общее дело, в тот или иной созидательный процесс, генерирующий или укрепляющий целостность более общего порядка, нежели его индивидуальное бытие, у него возникает ощущение «пустоты» его жизни.

Совершенно не случайно самоубийства стали своего рода жуткой повседневностью именно в обществе «рыночного» типа. Так, в США, по данным журнала «Nation», самоубийство совершается каждые 12 минут, и в 2017 г. покончили жизнь самоубийством более 47 тысяч американцев — это значительно больше погибших от убийств. В России за последние десятилетия резко выросло число самоубийц среди детей и подростков, по этому показателю наша страна в течение последних десятилетий занимает первое место в мире. Переход к атомизированному рыночному жизнеустройству лишил человека причастности к общему созидательному процессу и обесмыслил жизнь многих людей. Для одних это чревато угнетенным состоянием духа, болезнями и преждевременной «естественной» смертью, для других все заканчивается суицидом.

Подчеркнем в заключение, что счастье связано прежде всего с возвышением потребностей личности. Заметим, что возвышение потребностей субъекта — это «возникновение у него духовных потребностей высших уровней. Оно происходит на основе всей системы его деятельности, которая обуславливает не только меру удовлетворения его потребностей, но и порождение новых или, наоборот, угасание когда-то сформировавшихся потребностей. Перестройка системы потребностей субъекта происходит в процессе его созидательной, трудовой деятельности, в которой реализуются его интересы, развиваются его способности и происходит перестройка его духовной структуры» [15, с. 112]. Такая перестройка возможна в социальных условиях, предоставляющих человеку возможность самореализации в труде и других деяниях, направленных на социальное творчество — на «общее дело» (Н. Федоров). Однако творческая самореализация как массовое явление предполагает наличие социальной среды, стимулирующей творчески-созидательный выбор субъекта.

В конечном же счете именно деятельность, насыщенная творческим содержанием, не только создает возможности для удовлетворения уже имеющихся потребностей, но и выступает социальным способом порождения новых потребностей. Происходящее при этом возвышение потребностей становится важнейшей предпосылкой социально-творческой активности человека, наполняя его жизнь глубоким смыслом. И только в этом случае счастье индивида приобретает подлинно человеческое содержание.

Литература

1. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.

2. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: АСТ, 2019. 288 с.
3. Франк С. Л. Смысл жизни. Брюссель: Жизнь с Богом, 1976. 169 с.
4. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т.: пер. с др.-греч. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
5. Философия: учеб. пособие / под общ. ред. Б. А. Кислова, В. А. Туева, М. Л. Ткачевой. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 600 с.
6. Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Книга. Просвещение. Милосердие; Екатеринбург: Ладъ, 1994. 608 с. (Библиотека российской классики)
7. Сенкевич Г. Камо грядеши: пер. с польск. М.: Эксмо, 2017. 608 с.
8. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2019. 221 с.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
10. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2018. 320 с.
12. Чангли И. И. Труд: Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973. 588 с.
13. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.
14. Пришвин М. М. Дорога к другу. Л.: Детская литература, 1982. 172 с.
15. Туев В. А. Развитие человеческих потребностей в социальной деятельности: (теоретико-методологический аспект). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 135 с.

HAPPINESS PERCEPTION IN THE CONTEXT OF THE MEANING OF HUMAN LIFE

Vasily A. Tuev

Dr. Sci. (Philos.), Emeritus Professor,
Baikal State University
11 Lenina St., Irkutsk 664003, Russia
E-mail: tuev-va@yandex.ru

Anastasia A. Suslova

Leading Specialist,
Branch of "The Center for Laboratory Analysis and Technical Measurements of Siberian Federal District" in East-Siberian Region
55 Sovetskaya St., Irkutsk 664007, Russia
E-mail: fromice-@mail.ru

The study is aimed at philosophical interpretation of the state of happiness in the context of the meaning of human life. We have analyzed the current situation of "happiness deficit", which is associated with the phenomenon of "existential vacuum" that has developed against the background of consumer attitudes of a market-oriented society. In such a society, happiness is extremely simplified, reduced to the satisfaction of primary needs, and human life becomes meaningless. As a result, happiness becomes superficial and primitive. The article reveals the difficulties of determining the phenomenon of happiness, which are associated with its ambiguity, correlation with reality and subjectivity. We specify the historical approaches to happiness perception, which were formed in antiquity (hedonism, stoicism, and eudemonism) and further developed. The historical analysis shows that at varying times happiness was understood in different ways in dependence on the conditions of social life. To achieve the entire and sustainable happiness a person needs certain social conditions that will stimulate him to increase his culture and creative activity. This is possible in a society where production is oriented to human development, and consumption serves only as a prerequisite for such development. The sources of true happiness include the creative activity of a person, labour, love of another person, work commitment, act of consciousness that is everything that makes happiness a spin-off from the realization of

higher human needs. However, happiness is associated not only with the realization of spiritual needs, but also with their exaltation, i.e. the emergence of spiritual needs of higher levels.

We have concluded that in the interests of gaining happiness, a person should work on the exaltation of his needs through the development of a creative attitude to social reality. The results of the study can be applied in educational work, training of specialists in the field of philosophy and other humanities.

Keywords: happiness; the meaning of life; consumer society; labour; love; the creative attitude to social reality.